

© — 1994 Ю. Д. АПРЕСЯН

О ЯЗЫКЕ ТОЛКОВАНИЙ И СЕМАНТИЧЕСКИХ ПРИМИТИВАХ¹

В статье обсуждаются сходства и различия между Московской и Польской школами семантики в подходе к семантическому метаязыку. Предлагается различать два подуровня семантического представления высказываний — поверхностный (уровень национальной семантики) и глубинный (уровень универсальной семантики). В связи с этим рассматривается вопрос о «семантических примитивах», являющихся основой словаря семантического языка, и делается попытка показать, что в действительности они не обязательно предельно просты по смыслу и не универсальны.

The article contains a discussion of similarities and differences between the Moscow and the Polish schools of semantics in their treatment of the semantic metalanguage. The author proposes to split the semantic level of utterance representation into two sublevels: the surface sublevel — that of language — specific semantics, and the deep sublevel — that of universal semantics. In this connection the problem of semantic primitives is taken up, and an attempt is made to show that in fact semantic primitives are not necessarily the simplest semantic particles imaginable and that they are not universal.

Ведущаяся с 1991 г. работа над объяснительным словарем синонимов русского языка (см. [1—3]) потребовала широких теоретических исследований в области семантики, в частности нового подхода к языку толкований, на котором описывается общая часть значений синонимов.

Вопрос о языке толкований, или семантическом метаязыке, обсуждается последние 30—40 лет во всех развитых лексикографиях мира. Для целей данной работы наибольший интерес представляют идеи, выдвинутые на этот счет в двух современных школах семантики — Московской [4—11] и Польской [12—19].

1. ПОДХОД МОСКОВСКОЙ ШКОЛЫ СЕМАНТИКИ К ЯЗЫКУ ТОЛКОВАНИЙ

1.1. Состав и структура семантического метаязыка

Основные идеи Московской семантической школы были сформулированы еще в 60-х годах в пионерских работах [4—7], а затем развиты в [8—11]. Их можно суммировать следующим образом:

1) Значения слов описываются на специальном формальном метаязыке, имеющем свой словарь и синтаксис.

Вплоть до начала 80-х годов считалось, что основу словаря семантического метаязыка (список семантических примитивов) составляют искусственные слова, слова-конструкты. Они либо заимствуются из точных наук (ср. 'множество', 'сила', 'функция'), либо придумываются исследователем (ср. 'каузировать', 'поток фактов'), либо извлекаются из слов естественного языка в результате отсеечения ненужных элементов смысла ('вещь', 'количество', 'часть', 'норма' и т. п.). Помимо таких относительно простых смыслов в словарь метаязыка включались

¹ Данная работа стала возможной в результате присуждения автору премии Фонда им. А. Гумбольдта (ФРГ) и приглашения на кафедру проф. П. Хельвига в Гейдельбергский университет. Автор благодарит Фонд им. А. Гумбольдта и проф. П. Хельвига за идеальные рабочие и бытовые условия, которые были созданы для него немецкими коллегами.

и многие «промежуточные понятия», т. е. семантически более сложные слова, сводимые в один или несколько шагов к примитивам.

Что касается синтаксиса семантического языка, то он от начала и до конца конструировался. В идеале это был синтаксис семантических графов или деревьев зависимостей, и лишь в качестве паллиатива использовался упрощенный и унифицированный фрагмент синтаксиса естественного языка [8, с. 53 и сл.; 9, с. 78—79; 10].

Подчеркнем, что в эпоху безраздельного господства компонентного анализа был провозглашен принципиальный отказ от «дифференциальных семантических признаков» как слишком слабого и неадекватного средства представления смысла языковых единиц. Лексическое или грамматическое значение — это не простая совокупность «значений дифференциальных семантических признаков», а сложно организованный структура смыслов, у которой есть свой внутренний синтаксис.

2) Поскольку семантический язык конструировался исследователем как своего рода логический язык, использующий инвентарь простейших общечеловеческих понятий, он мыслился как универсальный в двух отношениях. Во-первых, постулировалось, что он пригоден для описания любых типов языковых значений, включая значения морфологических категорий, синтаксических конструкций и других содержательных единиц языка. Во-вторых, постулировалось, что он пригоден для описания семантического материала любых языков. В связи с этим в многоуровневой лингвистической модели «Смысл ↔ Текст» И. А. Мельчука семантика, в отличие от всех прочих уровней, не делилась на подуровни (поверхностный и глубинный): непонятно, чему бы мог соответствовать поверхностно-семантический уровень.

Исследования, которыми я занимался последние два десятилетия и первые результаты которых были представлены в работах [20—22], привели меня к выводу, что изложенная концепция нуждается в некотором уточнении. В частности, в [22] была высказана мысль, что каждый естественный язык располагает большими классами лексических значений, которые, как и грамматические значения, выражаются в обязательном порядке, т. е. независимо от коммуникативных намерений говорящего. Так, в русском языке глаголы перемещения типа *выйти, вылететь, выползти, выплыть* обозначают, помимо прочего, способ перемещения. Носитель русского языка должен воспользоваться одним из этих глаголов даже тогда, когда ему совершенно неважно, каким способом какое-то существо перестало находиться в определенном месте. Ср. *Собака вышла из конуры, Птица вылетела из гнезда, Змея выползла из норы, Рыба выплыла из грота*. Нельзя сказать *“Собака покинула конуру, “Птица покинула гнездо, “Змея покинула нору, “Рыба покинула грот* — это звучало бы смешно, напыщенно, неестественно, шутливо или имело бы другой смысл (‘навсегда оставила’). Между тем француз во всех этих случаях употребит один и тот же глагол *sortir*, по составу семантических компонентов более или менее соответствующий глаголу *покидать*. Только если для него почему-то важно указать, каким способом кто-то перемещался, он добавит соответствующую видовую модификацию.

В любой лингвистической модели, претендующей на достаточную полноту описания семантики естественных языков, должен быть предусмотрен уровень, на котором описываются такие автоматически выражаемые смыслы. Поэтому в указанной работе было предложено расщепить семантический уровень представления высказываний на поверхностный и глубинный подуровни. Первым из них ведает поверхностно-семантический компонент модели. Он имеет в качестве предмета национальную семантику естественных языков.

В связи с этим в качестве метаязыка поверхностно-семантического уровня было предложено использовать не искусственный язык, а определенным образом сокращенный и унифицированный подъязык языка-объекта, т. е. реально существующие слова и синтаксические конструкции в их обычных значениях, как это принято в традиционной лексикографии. Предположительно именно такой метаязык наиболее пригоден для описания национальной семантики. Однако в

отличие от традиционной лексикографии к нему были предъявлены эксплицитно сформулированные и более жестко применяемые требования, вытекающие из общей концепции Московской семантической школы. Ниже они для простоты будут изложены лишь на лексическом материале, хотя в принципе целиком приложимы и к синтаксису метаязыка.

1. Словарь метаязыка сокращается на несколько порядков по сравнению со словарем русского языка; в частности, из него устраняются все сложные лексемы (например, *шантаж, инсинуация, присяга* и т. п.), не участвующие в толкованиях других языковых единиц. В нем остается два типа слов — семантические примитивы, т. е. неопределенные слова, не допускающие дальнейшей семантической редукции, и семантически более сложные слова (ср. выше «промежуточные понятия»), которые в один или несколько шагов сводятся к примитивам.

2. Словарь метаязыка унифицируется в соответствии с требованием взаимно однозначного соответствия имен и смыслов. Это значит, что в нем избегаются синонимы и омонимы. Обычно из ряда синонимов в словарь метаязыка отбирается тот, который стилистически и семантически наиболее нейтрален в данном ряду. *Глаза* и книжн. *очи* (а также *буркалы, зенки* и другие разговорно-сниженные синонимы слова *глаза*) обозначают один и тот же объект, но в толкованиях таких слов и выражений, как *зрачок, радужная оболочка, белок, брови, веки, ресницы, трахома, конъюнктивит, катаракта, глаукома*, участвует, естественным образом, лишь слово *глаза* (или его синтаксическое производное *глазной*). Никому не придет в голову толковать, допустим, *зрачок* как 'часть ока' или *глаукому* как 'болезнь очей'. Глаголы типа *брести* ≈ 'идти с трудом или тихо', *плестись* ≈ 'идти медленно, вяло', *шествовать* ≈ 'идти торжественно', *семенить* ≈ 'идти частыми, мелкими шагами', *петлять* ≈ 'идти непрямо, делая петли' и т. п. толкуются с помощью глагола *идти*, а не его синонимов (*ступать, шагать* и т. п.).

В результате, как будет ясно из дальнейшего изложения, используемый нами метаязык существенно сблизился с метаязыком А. Вежбицкой.

1.2. Теория толкований: требования к толкованиям и их функции

В последние годы, уже в ходе работы над Новым объяснительным словарем синонимов русского языка, были внесены некоторые уточнения и в теорию толкований.

Для синонимического словаря исключительное значение имеет процедура объяснения сходств и различий между синонимами. Очевидно, что при объяснении того, в чем состоит семантическое отличие данной лексемы от других лексем, можно пользоваться любыми приемами, в частности любыми перифразами. В связи с этим перифразы лексем (и других содержательных единиц языка) были разделены на дефиниции (толкования в собственном смысле слова) и более свободные дескрипции.

Толкование — лишь одна из перифраз языковой единицы, правда, самая привилегированная. Оно выполняет следующие четыре функции: (а) объясняет значение данной языковой единицы; (б) служит основой для установления ее места в семантической системе языка; (в) является семантическим правилом, применяемым при переходе от синтаксического представления высказывания к его (поверхностно-)семантическому представлению, и наоборот; (г) служит основой для правил семантического взаимодействия данной единицы с другими единицами в составе высказывания.

Только толкование способно выполнить функции (б), (в) и (г) и тем самым обслуживать нужды лингвистической теории. Однако первую из названных функций — метаязыковую функцию объяснения того, что данная единица значит, — могут выполнять и другие перифразы, которые мы предлагаем называть дескрипциями. Если, например, моему собеседнику непонятен глагол *элиминировать* (*противоречия (препятствия)*), и если у меня есть основания думать, что слово

устранять он знает, я могу сказать: «Это — то же самое, что устранять (противоречия (препятствия))». Поскольку неизвестное слово сведено к известному, объяснение можно считать состоявшимся, хотя оно и не имеет формы толкования. Для тех же целей можно использовать и другие средства передачи языковых знаний, например прямые указания на объекты действительности, являющиеся референтами тех или иных выражений, сравнения и метафоры, сообщение прагматических условий употребления данного выражения и т. п. Носители языка в своей каждодневной речевой практике реально используют соответствующие приемы, если возникает необходимость сообщить собеседнику, что значит непонятная ему языковая единица. Так они осуществляют свою метаязыковую деятельность².

Что касается толкований в собственном смысле, то к ним в связи с функциями (б) — (г) были предъявлены следующие четыре требования: 1) нетавтологичность, 2) необходимость и достаточность, 3) ступенчатость и 4) эксплицитность.

Первые два требования являются чисто логическими: толкование не должно содержать порочных кругов (нетавтологичность) и должно быть семантически эквивалентным толкуемой языковой единице (необходимость и достаточность). Они имеют приоритет перед вторыми двумя требованиями — следствием определенных лингвистических установок.

Как ясно из сказанного выше, наличие в метаязыке промежуточных слов открывает возможность альтернативных, хотя и синонимичных толкований. Их можно строить с помощью меньшего числа крупных семантических блоков или с помощью большего числа мелких семантических блоков. На семантические блоки можно, следовательно, налагать ограничения сверху (каково их минимальное число) и снизу (каково их максимально допустимое число). Требования ступенчатости и эксплицитности как раз и позволяют сформулировать эти ограничения.

1.2.1. Требование ступенчатости

Требование ступенчатости значит, что толкуемая единица должна быть представлена в виде возможно более крупных семантических блоков. Их, однако, не может быть менее двух: в противном случае нельзя будет соблюсти требование нетавтологичности. В результате получается постепенная декомпозиция более сложных значений во все более простые, вплоть до элементарных.

Рассмотрим в качестве примера толкование глагола *обещать*, принадлежащее М. Я. Гловинской и автору, но во многом восходящее к [18; с. 205]. *X обещает Y-у, что сделает P* = 'зная или считая, что Y или какое-то третье лицо заинтересованы в P [пресуппозиция], X говорит Y-у, что сделает P, несмотря на возможные трудности [ассерция]; X говорит это, потому что хочет, чтобы ему поверили, понимая, что если он не сделает P, ему перестанут верить' = [мотивировка].

К числу семантических примитивов в этом толковании относятся компоненты 'считать', 'знать', 'говорить' и 'делать'. Заметим уже здесь, что все эти смыслы используются в качестве примитивов в упомянутых выше семантических исследованиях А. Вежбицкой. Остальные фигурирующие в толковании компоненты непримитивны и, следовательно, нуждаются в дальнейшей декомпозиции. К их числу относятся, в частности, слова *заинтересован*, *несмотря на*, *трудно* (ср. компонент 'трудность'), *верить*, *понимать*. Все они в один-два шага сводятся

² Комбинирование дефиниций и дескрипций полезно не только в синонимическом словаре. Оно должно стать обязательным принципом любых претендующих на полноту описаний семантики естественных языков. Только тогда будет положен конец затянувшемуся спору о том, допустимы ли тавтологические круги в описании значений: они недопустимы в толкованиях, но ничто не мешает прибегать к ним при более свободном объяснении значений. Свободные перифразы, равно как и любые другие приемы объяснения значений, моделируют только метаязыковую практику говорящих, а толкования — еще и научно-лингвистическое знание языка.

к семантическим примитивам. Вот соответствующие толкования: *А заинтересован в В* = 'А считает, что В хорошо для него и хочет, чтобы В существовало' (достигнут уровень примитивов); *Р несмелее на R* = 'нормально, если существует R, Р не может произойти; в данной ситуации Р произошло или произойдет' (если исключить относительно простой и семантически прозрачный смысл 'произойти', достигнут уровень примитивов); *Р трудно для А* = 'Когда А делает Р, ему необходимо прилагать усилия, значительно превышающие норму'; *Р необходимо для R* = 'R не может произойти, если Р не существует' (достигнут уровень примитивов); *Х верит Y-у* = 'Х считает, что Y говорит правду; единственной причиной того, почему Х так считает, является мнение X-а, что Y не может говорить ему неправду' (достигнут уровень примитивов); *Х понимает, что Р* = 'Х знает Р; источником этого знания является знание нормальных свойств ситуации того класса, к которому относится данная ситуация' (достигнут уровень примитивов).

Свидетельством того, что в ходе семантической декомпозиции достигнут уровень примитивов, является невозможность истолковать полученные на последнем шаге декомпозиции семантические компоненты без порочного круга. *Видеть*, например, можно истолковать как 'воспринимать глазами', *слышать* — как 'воспринимать ушами' и т. п. Если считать 'воспринимать' семантическим примитивом, то 'глаза' и 'уши' тоже надо будет признать семантическими примитивами: их нельзя истолковать без упоминания 'зрения' и 'слуха' соответственно, т. е. без возвращения к словам *видеть* и *слышать*. Заметим в скобках, что в таких случаях на роль примитивов выбираются слова, чьи референты могут быть продемонстрированы остенсивно (т. е. *глаза* и *уши*).

Итак, важной особенностью принятой нами общей стратегии толкований является принцип ступенчатости, т. е. постепенного сведения сложного значения к составляющим его семантическим примитивам. С учетом того, что в семантическом метаязыке не допускаются синонимы, такая стратегия дает возможность непосредственно продемонстрировать все системные семантические связи данной единицы с максимальным числом других единиц в рамках всего словаря. В самом деле, чем крупнее семантические блоки, из которых складывается ее значение, тем больше число промежуточных шагов до уровня семантических примитивов и, следовательно, тем больше число слов, с которыми она будет явным образом связана. Рассмотрим несколько примеров.

Обычные словарные толкования слов *ультиматум* и *шантаж* не подтверждают интуитивного ощущения, что семантически между ними есть много общего. Если, однако, истолковать эти два слова с соблюдением сформулированных выше несложных условий, в их лексических значениях обнаружится довольно большая пересекающаяся часть. Действительно, и в *ультиматум*, и в *шантаж* входит 'требование, чтобы адресат сделал что-то нужное для субъекта, хотя и очень нежелательное для адресата, сопровождаемое угрозой причинить адресату в случае невыполнения им этого требования такое зло, которое, по мнению субъекта, намного превосходит нежелательность выполнения требования'. Различия в семантике *ультиматума* и *шантажа* сводятся к тому, что в *ультиматум* входит указание на (небольшой) срок, в течение которого адресат должен выполнить требование субъекта, а в *шантаж* — указание на безнравственную угрозу разоблачить нечто постыдное или незаконное в жизни или деятельности адресата, что он скрывает. Как ясно из этих формулировок, большая часть значений *ультиматума* и *шантажа*, в которую входят и такие богатые смыслы, как 'требование' и 'угроза', превышает сумму их различий.

Очевидно, что все семантические связи между разными лексемами должны вещественно отражаться в их толкованиях не только в тех случаях, когда они принадлежат разным словам, как в только что разобранным примере, но и в том случае, когда они принадлежат одному (многозначному) слову. Рассмотрим

с этой точки зрения лексемы *привыкнуть* 1 (*рано вставать* (делать по утрам зарядку)) и *привыкнуть* 2 (*к постоянному шуму станков* (к новой обстановке)).

Различие между этими двумя значениями глагола *привыкнуть* (собственное действие становится привычкой — происходит привыкание к какому-то внешнему по отношению к субъекту фактору) отмечается всеми толковыми и синонимическими словарями русского языка. Однако из обычных толкований остается неясным, каковы в точности семантические сходства и различия этих двух лексем. Ср., например, следующие толкования: *привыкнуть* 1 = 'приобрести привычку (делать что-л., поступать каким-л. образом и т. п.)', *привыкнуть* 2 = 'освоиться, свыкнуться с чем-л.' (МАС); *привыкать* 1 = 'усваивать, приобретать привычку к чему-либо; приучаться что-либо делать, как-либо поступать'; *привыкать* 2 = 'осваиваться, свыкаться с кем, чем-либо' (БАС).

Использование метаязыка и принципов толкования значений, которые были описаны выше, позволяет естественным образом разрешить трудность. *Привыкнуть* 1 = 'много раз на протяжении нескольких периодов наблюдения повторив какое-л. действие или побывав в каком-л. состоянии, измениться в результате так, что делать это или быть в таком состоянии стало нормой поведения или существования субъекта'. *Привыкнуть* 2 = 'проведя некоторое время в необычных для себя условиях, измениться в результате так, что эти условия стали нормой или перестали восприниматься как необычные'.

Одновременно решаются еще две задачи.

Во-первых, именно толкования, построенные из относительно крупных блоков, наиболее приемлемы психологически, так как они сохраняют свойство прозрачности. Если достаточно сложное лексическое значение сразу сведено к примитивам, оно при всей своей точности может стать практически неузнаваемым. Ср. следующее толкование, в основном (но не во всех деталях) сведенное к примитивам: *X обещает Y-у, что сделает P.* = 'зная или считая, что Y или какое-то третье лицо считает, что P хорошо для него, и хочет, чтобы P существовало, X говорит Y-у, что сделает P; X знает или считает, что ситуация может быть такой, что нормально P не может произойти, и что X сможет сделать P, только если приложит усилия, превышающие норму; X говорит это, потому что хочет, чтобы Y считал, что X говорит правду, считая, что X не может говорить ему неправду; X знает, что если он не сделает P, то Y или другие люди перестанут считать, что X говорит правду; источником этого знания X-а является знание нормальных свойств ситуаций того класса, к которому относится данная ситуация'.

Во-вторых, создается основа не только для качественной оценки системных связей между различными единицами языка, но и для более тонких количественных оценок. Такие оценки желательны по крайней мере в двух случаях: при установлении факта многозначности (в отличие от омонимии) и синонимии (в отличие от более свободных тематических связей между лексемами)³.

Вернемся в этой связи к толкованиям слов *ультиматум* и *шантаж*. Достаточно беглого взгляда на них, чтобы убедиться, что пересекающаяся часть их значений почти вдвое больше суммы различий. Казалось бы, этого достаточно для признания их синонимами. Тем не менее *ультиматум* и *шантаж*, равно как и соответствующие им слова других языков, ни в каких синонимических словарях синонимами не признаются. Объясняется это семантической содержательностью и семантической ценностью несовпадающих частей.

Чтобы дать более ясное представление о семантической содержательности и семантической ценности и одновременно ввести какую-то меру этих свойств, мы для простоты освободим толкования от внутреннего синтаксиса и зададим каждое лексическое значение перечнем входящих в него смысловых компонентов. В нашем случае это будут такие компоненты, как 'угроза' (или 'угрожать'),

³ Ни в коем случае не утверждается, что такие оценки уже сейчас можно и нужно получать. Утверждается только, что толкования, сформулированные на предлагаемом метаязыке с соблюдением всех перечисленных выше требований, создают лучшую основу для таких оценок, чем традиционный язык лексикографии и традиционные толкования.

('цель' (ср. *чтобы*), 'требование' (или 'требовать'), 'безнравственный', 'разоблачение', 'постыдность', 'незаконность', 'короткий', 'срок' и т. д. Каждый из них, как ясно из сказанного выше, имеет двоякую природу.

С одной стороны, в него входят какие-то более элементарные смысловые компоненты, которые в конечном счете сводятся к самым элементарным (неопределяемым) смыслам — семантическим примитивам. 'Требовать' например, сводится к таким семантическим примитивам, как 'хотеть' (чтобы кто-то сделал что-то), 'говорить' (что субъект хочет, чтобы он это сделал), 'считать' (что он должен это сделать), 'делать' и ряд других. Аналогичным образом можно было бы представить 'угрозу', 'цель', 'срок' и все остальные компоненты в составе толкования *шантажа* и *ультиматума*.

С другой стороны, каждый такой компонент входит в состав более сложных единиц языка-объекта. Компонент 'требование', например, входит в состав лексических значений таких слов, как *шантаж*, *вымогать*, *ультиматум*, *забастовка* (= 'прекращение работы работниками какого-то предприятия, сопровождаемое рядом требований к администрации предприятия или государственной власти, выполнение которых объявляется условием возобновления работы') и ряда других.

Следовательно, каждый компонент количественно может быть охарактеризован двумя числами: числом семантических примитивов, которые входят в него, и числом единиц языка-объекта, в которые входит он сам. Назовем первое число его семантической содержательностью, а второе — его семантической ценностью. Семантическая содержательность данного компонента прямо пропорциональна числу элементарных смыслов, которые входят в его состав. Напротив, его семантическая ценность обратно пропорциональна числу лексических значений, в которые он входит. Чем чаще он встречается, тем он тривиальней. Именно редкость компонента, как редкость золота в породе или жемчужины в раковине, сообщает ему повышенную семантическую ценность⁴.

Применим эти соображения к нашему примеру. Непосредственно очевидно, что 'безнравственность', 'разоблачение', 'постыдность' и 'незаконность' в составе леммы *шантаж* — исключительно содержательные смысловые компоненты. Их совокупный вес, выраженный числом входящих в них элементарных смысловых компонентов, весьма велик.

Гораздо менее содержателен временной компонент в толковании *ультиматума*. Действительно, 'срок' естественно интерпретировать как 'отрезок времени', а 'отрезок' и 'время', по-видимому, семантические примитивы. Смысл 'короткий' в словосочетании *короткий срок* сводится к трем примитивам — 'меньше нормы времени'.

Следовательно, если компонент 'срок' в толковании *ультиматума* и обладает каким-то весом, то этот вес определяется не столько его семантической содержательностью, сколько его семантической ценностью. Семантическая ценность компонента, как было сказано выше, обратно пропорциональна числу лексических значений, которые его содержат. Число лексических значений, в которые входит представление о сроке, крайне невелико. Нам известны три небольших класса слов такого рода: слова со значением приобретения чего-л. на время или во временное пользование (*арендовать*, *снимать*, *сдавать*, *одалживать*, *занимать*, *вербовать* и их семантические производные); слова со значением перерыва в какой-то деятельности (*перерыв*, *перебой*, *перемена*, *перекур*, *перемирие* и т. п.) и предлоги типа *на* (*на два года*). В связи с этим компонент 'срок' приобретает весьма высокую ценность и, следовательно, вес.

Сравнивая веса совпадающих и различающихся компонентов в составе различных лексических и грамматических значений, мы получаем возможность более тонко определять меру их семантической близости.

⁴ При этом необходимо иметь в виду, что разный вес имеют не только неэлементарные семантические компоненты, но и семантические примитивы; ср., например, примитив 'делать' и гораздо более весомые 'семантически более ценные' примитивы 'хотеть', 'чувствовать' или (говорить).

1.2.2. Требование эксплицитности

Перейдем ко второму лингвистическому требованию, которое предъявляется к толкованиям, — требованию эксплицитности. Оно гласит, что толкование должно непосредственно содержать все семантические компоненты, с которыми взаимодействуют значения других лексических или грамматических единиц данного высказывания. Если, например, какое-то семантическое правило устанавливает взаимодействие лексемы А с семантическим компонентом 'X', то этот компонент должен быть эксплицитно выделен в составе толкования, даже если при этом нарушается требование ступенчатости. Следовательно, требование эксплицитности имеет приоритет перед требованием ступенчатости и задает нижнюю границу семантической редукации: семантических блоков в составе толкования должно быть столько, сколько нужно для правил семантического взаимодействия.

Рассмотрим пример. Фраза типа *хорошая рецензия* неоднозначна. Чаще всего она выражает высокую оценку рецензируемого произведения; ср. *Он написал хорошую рецензию, но эта книга заслуживает лучшей*. Принципиально возможно использование той же фразы и для выражения высокой оценки литературных и аналитических достоинств самой рецензии; ср. *Он написал очень хорошую рецензию: теперь всем будет ясно, что эта книга никуда не годится*. Ср. однозначные фразы *положительная рецензия* (только похвала книге) и *интересная рецензия* (только похвала самой рецензии).

Возникает вопрос, с какой степенью подробности должно быть истолковано слово *рецензия*, чтобы объяснить эту неоднозначность. Как кажется, этому условию отвечает следующее толкование: рецензия (Y-а на Z) = 'письменный анализ научного или художественного текста Z, составленный Y-ом, в котором Y дает оценку Z-у'. Оценочное прилагательное *хороший* может относиться по специальному правилу для слов типа *хороший, плохой, положительный, отрицательный, блестящий, прекрасный* и некоторых других в контексте существительных типа *рецензия* к компоненту 'оценка'. Тогда получается первое осмысление — 'хорошая оценка'. С другой стороны, по общему правилу для всех качественных прилагательных *хороший* может относиться к любому компоненту со значением действия или результата действия. Тогда получается второе осмысление — 'хороший анализ'. Тем самым неоднозначность словосочетания *хорошая рецензия* получает формальное объяснение.

Подытожим сказанное. Метаязыком лексикографии является подъязык языка-объекта, составленный из относительно небольшого и унифицированного словаря и синтаксиса. Фундаментом этого метаязыка являются семантические примитивы. С помощью метаязыка сложные семантические единицы языка-объекта (не только лексические, но и грамматические) в процессе ступенчатой декомпозиции сводятся к определенной структуре семантических примитивов. Получающиеся при этом толкования (дефиниции) имеют определенный теоретический статус: на их основе устанавливаются системные парадигматические связи между различными единицами словаря и формулируются правила взаимодействия языковых значений.

2. ПОДХОД ПОЛЬСКОЙ ШКОЛЫ СЕМАНТИКИ К ЯЗЫКУ ТОЛКОВАНИЙ

Перейдем теперь к концепции семантического метаязыка и семантических примитивов, развитой в Польской школе семантики. Среди польских лингвистов, которые занимались этими вопросами, исключительное место принадлежит Анне Вежбицкой. Она провела титаническую и совершенно уникальную эмпирическую работу по установлению набора примитивов, дала глубокую теоретическую разработку этого понятия и применила найденные ею примитивы для истолкования громадного лексического и грамматического материала нескольких десятков раз-

носистемных языков. Ее идеи в их нынешнем состоянии (см. [19, с. 6—18]) можно суммировать следующим образом:

1. Человеческие языки обнаруживают очень большое разнообразие на уровне сложных концептов (семантически сложных лексем), которые по большей части специфичны для того или иного национального языка. Однако на уровне простейших понятий они обнаруживают полное сходство: эти понятия так или иначе (лексемой, грамматической формой, синтаксической конструкцией) выражаются во всех человеческих языках. Таких простейших понятий немного — порядка нескольких десятков. В настоящее время список А. Вежбицкой выглядит следующим образом (в переводе на русский язык): *я, ты, кто-то, что-то, это, все, два, сказать, хотеть, не хотеть, чувствовать, думать, знать, мочь, делать, произойти, хороший, плохой, похожий, такой же, где, когда, после, из-за (причинное), если.*

2. Эти слова-смыслы (именно слова в их обычных значениях, а не «дифференциальные семантические признаки») — не только инвентарь понятий. Они разбиваются на грамматические классы (субstantивы, детерминативы, глаголы, адъективы), из элементов которых строятся простейшие синтаксические конструкции-предложения. Примеры таких предложений: *Я думаю это, Я хочу это, Ты делаешь это, Это произошло, Кто-то сделал что-то плохое, Из-за этого произошло что-то плохое.* Такие простейшие синтаксические конструкции естественных языков тоже универсальны.

3. Тем самым в каждом естественном языке может быть выделен некий универсальный мини-язык, состоящий из простейших слов и простейших синтаксических конструкций. Все более сложные содержательные единицы языка (лексем, грамемы, аффиксы, синтаксические типы) могут быть истолкованы на этом мини-языке. Более того, они должны быть истолкованы именно таким образом, т. е. непосредственно через примитивы. Только при этом условии становится возможным сравнение всех человеческих языков и культур на единой основе. Следует особо подчеркнуть, что для описания любых типов значений (лексических, морфологических, синтаксических и т. п.) используется один и тот же семантический язык, который А. Вежбицка называет «языком мысли».

4. Поскольку мини-языки совпадают, более или менее безразлично, какой именно из них — английский, русский, польский и т. д. — будет выбран в качестве «рабочего». А. Вежбицка в большинстве своих работ использует в этой функции английский мини-язык.

Даже на глаз видно принципиальное сходство концепции Московской семантической школы с концепцией А. Вежбицкой. Оно состоит в том, что главным инструментом семантического описания признается семантический метаязык, понимаемый именно как язык, со своим словарем и синтаксисом. Этот метаязык представляет собою подъязык языка-объекта и не имеет ничего общего с языком «дифференциальных семантических признаков». В обоих метаязыках особая роль отводится семантическим примитивам. Оба метаязыка предназначены для описания как лексических, так и грамматических значений.

Однако между двумя концепциями есть и различия.

Первое из них касается статуса и функции толкований в лингвистической теории. В Московской школе толкования строятся ступенчато. Это условие имеет теоретический статус, поскольку его соблюдение позволяет продемонстрировать системность в организации лексики. В концепции А. Вежбицкой ступенчатые толкования допускаются только как технический прием и только в исключительных случаях. Кроме того, в Московской школе толкования являются объектами семантических правил, по которым из значений отдельных грамматических и лексических единиц строится значение целых высказываний. В Польской школе проблематике взаимодействия значений отводится более скромное место.

Второе различие, более важное в контексте данной работы, касается трактовки семантических примитивов.

3. ПРОБЛЕМА СЕМАНТИЧЕСКИХ ПРИМИТИВОВ

Главный тезис А. Вежбицкой относительно семантических примитивов состоит в том, что они представляют собой конечные, простейшие атомы смысла и что поэтому они универсальны (cross-cultural, cross-linguistic). Попытаемся показать, что семантические примитивы на самом деле не обязательно предельно просты по смыслу и поэтому в общем случае не обладают свойством универсальности.

Действительно, даже простейшие слова естественного языка включают, в дополнение к некоему прототипическому ядру, определенную частицу смысла, отличающую данное слово от его ближайших синонимов. Именно эта частица смысла во многих случаях оказывается национально специфичной. Продемонстрируем этот тезис на примере семантических примитивов 'хотеть' и 'want'.

Английский глагол *want*, используемый А. Вежбицкой в качестве семантического примитива, вне всяких сомнений разделяет некий общий семантический компонент с глаголом *wish*. Значения двух глаголов именно пересекаются, а не вкладываются друг в друга: *want* выражает, дополнительно к чистому желанию, идею нужды, недостатка, отсутствия (ср. *I want it badly* 'Мне это позарез нужно', *Good advice is wanted* 'Требуется хороший совет', а *wish* — идею (возможной) беспредметности желания. Не случайно *wish* используется в ирреальных конструкциях типа *I wish he were here* 'Хотелось бы мне, чтобы он был здесь'. Однако тот безусловно более простой семантический компонент, который составляет пересечение двух значений, не может быть вербализован средствами английского языка. Тем самым *want* может считаться примитивом только в том смысле, что он не может быть подвергнут дальнейшей декомпозиции в рамках английского языка.

То же самое верно и относительно русских глаголов *хотеть* и *желать*. Из этих двух глаголов на роль примитива мог бы претендовать скорее глагол *хотеть* как более нейтральный и семантически менее специфичный. Однако и его значение не вкладывается целиком в значение глагола *желать*. Дополнительно к чистой идее желания он выражает идею потребности (ср. *Я хочу есть*), действенной воли (ср. противопоставления *Я хочу — Мне хочется*) и намерения. В самом деле, такие русские фразы, как *Я хотел рассказать ей, что я пережил*, двусмысленны: то ли мне хотелось рассказать (*Я так хотел рассказать ей, что я пережил*), то ли я был намерен рассказать (*Сначала я хотел рассказать ей, что я пережил, но потом раздумал*). Идея намерения в семантике *хотеть* настолько сильна, что она включается непосредственно в толкование этого глагола в словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой ('иметь желание, намерение (делать что-н.)'), а БАС, МАС и некоторые другие толковые словари выделяют у него второе значение 'намереваться'.

В свою очередь, глагол *желать* может обозначать «бесхребетное» желание; ср. *Им [Рудину, Караваеву и другим подобным литературным героям] он противопоставляет людей, умеющих не только желать, но и хотеть* (А. Ф. Кони. Воспоминания о писателях). Кроме того, он может употребляться «сверху вниз» и указывать дополнительно на такое желание, которое субъект считает обязательным к исполнению другими людьми: ср. *Я желаю, чтобы цыгане пели всю ночь в отличие от Я хочу послушать пение цыган*; ср. также *Не желаете ли заказать обед в номер?*; — *Что желаете надеть — халатик или пижаму?* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита); — *Вот, друг мой, эти господа [Е. Дашкова и другие] желают с тобой побеседовать*, — сказал Шувалов (Ю. Даниэль, Бегство). Наконец, в утвердительных и вопросительных предложениях *желать* во всех личных формах имеет прагматическую специфику: либо предпочитается в нарративном жанре (*Петр Петрович желал показать себя перед товарищем радушным, щедрым, богатым — и делал это неумело, по-мальчишески* (И. Бунин. Суходол); либо официален (*Итак, прокуратор желает знать, кого из двух преступников намерен освободить синедрион: Вар-раввана или Га-Ноцри?* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита)); либо ироничен (*Тогда он написал в*

советское посольство, что желает вернуться в дорогое ему отечество (А. И. Солженицын. Архипелаг Гулаг)).

Итак, оба глагола семантически сложны: значение каждого из них складывается из более простой общей части (которую мы условно назвали «чистым желанием») и ряда специфических надбавок. Поскольку, однако, эта общая часть не может быть вербализована средствами русского языка⁵, либо тот, либо другой глагол должен получить статус примитива. Больше прав на эту роль у глагола *хотеть* как более нейтрального и семантически менее специфичного.

Таким образом, и в русском языке более простой семантический компонент, составляющий пересечение значений *хотеть* и *желать*, не может быть вербализован. Поэтому вместо настоящего примитива, т. е. действительно простейшего смысла, приходится пользоваться условным примитивом *хотеть*⁶.

Положение еще более осложняется, если учесть другие английские и русские глаголы со значением желания, такие, как *desire хотеться* и т. п. *Desire* усиливает значение действенной воли, которое выражается глаголом *want* (ср. *He received the position he desired* 'Он получил должность, которой добивался'), а *хотеться*, наоборот, ослабляет его. Этот глагол имеет то же самое семантическое ядро, что и *хотеть*, но другую смысловую надбавку: желание рассматривается как результат действия какой-то трудно определимой силы, присутствие которой человек ощущает в себе. Общая часть значения двух глаголов и в этом случае не может быть вербализована средствами русского языка. По мере перехода к периферии соответствующих синонимических рядов английского и русского языков расхождение между ними, как и всегда в таких случаях, все более нарастает. Ср. английские глаголы *covet, long, yearn* и русские *мечтать (сделать что-л.)* и *жаждать (сделать что-л.)*.

Итак, мы установили, что ни *want*, ни *хотеть*, имеющие большую общую часть смысла, не являются семантически простыми словами. При этом те семантические надбавки, которыми осложнено в них значение чистого желания, специфичны для английского и русского языков соответственно. Тем самым ни та, ни другая из этих лексем не имеет каких-либо преимуществ в качестве элемента универсального семантического языка.

Именно такие слова, не поддающиеся дальнейшему семантическому разло-

⁵ Может возникнуть мысль, что словосочетание «чистое желание» является искомой формой выражения соответствующего семантического примитива. Эту гипотезу следует отвести. Слово *чистый* в словосочетании *чистое желание* может иметь либо ограничительное значение «только, исключительно», либо метаязыковое значение «собственно, в собственном смысле». Оба эти значения очевидным образом намного сложнее, чем это допустимо для семантических примитивов (см., например, толкование *только* в [23, 88 и сл.]). Кроме того, и в том, и в другом случае над лексическим значением слова *желание* требуется провести определенные операции, чтобы вычислить значение всего словосочетания *чистое желание*. Очевидно, что такие операции, тем более метаязыковые, несомненно со статусом семантического примитива, смысл которого должен быть непосредственно очевиден. Нельзя принять и ту гипотезу, что семантическим примитивом могло бы служить само слово *желание*. Хотя в некоторых отношениях оно проще по смыслу, чем глагол *желать*, у него тоже есть существенные семантические надбавки. Главная из них — идея интенсивности состояния и связанное с этим указание на то, что оно настойчиво требует выхода и реализации. Ср. *непреодолимое желание, острое желание, гореть <томиться> желанием, сдерживать свои желания; Я хочу видеть и не могу освободиться от этого желания* (В. Г. Короленко. Слепой музыкант. МАС); *Я почувствовал настойчивое желание рассказать кому-нибудь о бабушке* (М. Горький. Мои университеты. МАС). К тому же семантически *желание* скорее является именем состояния от *хотеть*, чем от *желать*; ср. *Я хочу спать — мое желание спать, но не ?? Я желаю спать*.

⁶ Из сказанного следует, что глагол *хотеть* не может быть истолкован без нарушения минимальных требований теории толкований. Предпринимаемые в этом направлении попытки (ср., например, [24, с. 282; 25, с. 61]) вызывают возражения. Наиболее серьезная из них выглядит следующим образом: *Х хочет Р — Х ощущает: Р хорошо* [25, с. 61]. Легко видеть, что это толкование неполно. В нем не учтены такие выражаемые *хотеть* идеи, как идея потребности, действенной воли, намерения (см. выше основной текст). Я могу ощущать, что некий объект хорош, совершенно его не желая, например, вследствие того, что соответствующая потребность моего организма или моей личности удовлетворена. С другой стороны, *хорошо* с таким же успехом можно было бы толковать через *хотеть*: *Р хороший — Р таков, что нормально его хотеть*. Сама эта возможность является свидетельством того, что мы достигли уровня элементарных, т. е. далее не разложимых, смыслов. На самом деле смыслы *хотеть* и *хорошо* толкованию не поддаются.

жению в пределах данного языка, хотя, может быть, и не вполне простые по смыслу, мы будем называть в дальнейшем семантическими примитивами. Семантическая примитивность определяется, следовательно, структурой лексики самого описываемого языка: лексема L считается примитивом, если в данном языке не существует других лексем L_1, L_2, \dots, L_n , через которые ее можно было бы истолковать.

Аналогичные рассуждения можно было бы провести и для многих других претендентов на семантическую примитивность (*знать* и *know*, *думать* и *think*, *говорить* и *say*), но мы не станем этого делать. Важнее показать, почему даже такие семантически относительно простые слова, как *хотеть* и *want*, *знать* и *know*, *говорить* и *say* и т. п. все же не совпадают по смыслу полностью и почему это не может быть иначе.

Слова естественного языка, которые выбираются на роль примитивов, — это всегда слова «первого плана», наиболее укорененные в языке и культуре. Они обслуживают наибольшее число прагматических ситуаций, которые их по-разному окрашивают. С другой стороны, они наиболее обработаны в культурной традиции и поэтому обрастают разнообразными ассоциациями. Ср., например, характерное для русской культуры противопоставление *хотеть* и *хотеться* (см. выше), поддерживаемое и другими подобными противопоставлениями (*думать* — *думаться*; *работать* — *работаться*, *писать* — *писаться*, *спать* — *спаться* и т. п.). Если семантически сложные лексемы специфичны для языка в силу уникальности комбинации более простых смыслов, то семантически простые лексемы оказываются специфичными для языка в силу уникальности их смысловых связей в языке и культуре.

Приведенные рассуждения, при всей их нестрогости, позволяют сделать вывод, что с помощью семантического метаязыка, мыслимого как подъязык языка-объекта, хорошо описывается главным образом национальная семантика. Универсальная (cross-cultural, глубинная) семантика должна строиться, по-видимому, на основе искусственного логического языка, словами которого будут подлинные примитивы — пересекающиеся части квазипереводящих друг друга слов естественных языков. Это своего рода семантические кварки — реально существующие смыслы, никогда не материализуемые в словах естественных языков.

Примером такого кварка является стивность. Как известно, стивные глаголы (*видеть*, *слышать*, *хотеть*, *желать*, *знать*, *считать*, *думать* (что), *гордиться*, *стыдиться*, *завидовать*, *стоять*, *весить*, *изображать* [ср. *Картина изображает зимний лес*], *относиться* [ср. *Пумы относятся к семейству кошек*], *выситься*, *белеть* и т. п.), обозначающие гомогенные состояния, свойства и отношения, в разных естественных языках ведут себя во многом одинаково.

а) Они характеризуются дефектной грамматической парадигмой — не имеют форм ПОВЕЛ, СТРАД и чистовидовой формы СОВ (нельзя сказать **Хоти уехать*, **Видь картину*; **Картина виделась им*, **Им считалось, что семье без него пришлось трудно*; **Картина изобразила зимний лес*, **Пумы отнесли к семейству кошек*). Если номинально какая-нибудь из этих форм у стива есть, она никогда не имеет своего канонического (прототипического) значения. Ср. предложенный в [26, с. 30—32] анализ значения формы ПОВЕЛ в высказываниях типа *Гордись! таков и ты, поэт* (\approx 'ты должен гордиться'), *Бойся данайцев* (\approx 'тебе следует бояться'), *Считай, что тебе повезло* (\approx 'ты можешь считать, несмотря на некоторую недостаточность оснований'), *Думай, что хочешь* (\approx 'ты можешь думать, что хочешь; мне безразлично, что именно ты думаешь'), *Знай, что она тебя любит* (разделяемое знание). Ни в одном из этих случаев ПОВЕЛ не имеет нормального для императива значения побуждения. См. также анализ *знать* в [27, с. 72].

б) Они характеризуются дефектностью семантической парадигмы — не используются в актуально-длительном, профетическом и некоторых других значениях НЕСОВ (нельзя сказать **Он вошел, когда я видел похоронную процессию на улице* (слышал какие-то странные звуки в угу); **Завтра килограмм картошки*

стоит пятьсот рублей, *Завтра он знает математику в объеме университетского курса).

в) Они не сочетаются с инклюзивными обстоятельствами времени, обстоятельствами цели и большинством обстоятельств способа действия, а также с глаголами типа *заниматься* и *делать* (ср. *Он видел картину за одну минуту (знал математику за три дня); *С целью поступить в университет он знает математику, *С целью поставить пациента на ноги врачи думают, что ему нужно принимать хвойные ванны; *ловко (постепенно, тщательно) считал эти претензии несостоятельными; *занимался тем, что гордился своими успехами (стыдился своей бедности)).

Очевидно, что это сходство реакций стативов на другие языковые единицы разных уровней (морфологического, синтаксического, семантического) семантически мотивировано. Мы обязаны предположить наличие в их значениях некоего общего смысла, который, однако, настолько мал, что не может материализоваться в виде слова естественного языка в их толкованиях. Действительно, достаточно бросить беглый взгляд на приведенный выше небольшой список стативов, чтобы убедиться, что никакие сколько-нибудь разумные толкования этих и других подобных слов не могут содержать общих смысловых компонентов.

Существуют, по-видимому, и другие типы семантических кварков. В этой связи представляет интерес гипотеза Т. В. Булыгиной (сообщенная автору устно) о категориальном значении части речи как элементе значения слова, который всегда есть в слове, хотя и не может быть вербализован.

Смысл, который не материализуется ни в каком отдельном слове естественного языка, в нашей работе [22, с. 25 и сл.] был назван нетривиальным семантическим признаком. Это и есть подлинный семантический примитив. Именно из таких примитивов-конструктов, примитивов-кварков должен строиться словарь того семантического языка, который будет обслуживать универсальную семантику.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апресян Ю. Д. О новом словаре синонимов русского языка//Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 1992. Т. 51. № 1.
2. Апресян Ю. Д., Богуславская О. Ю., Левонтина И. Б., Урысон Е. В. Образцы словарных статей нового словаря синонимов//Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 1992. № 2. Т. 52.
3. Апресян Ю. Д. Синонимия ментальных предикатов: группа *считать*//Логический анализ языка. Ментальные действия. М., 1993.
4. Жолковский А. К., Леонтьева Н. Н., Мартемьянов Ю. С. О принципиальном использовании смысла при машинном переводе//Машинный перевод. М., 1961. Вып. 2.
5. Машинный перевод и прикладная лингвистика. М., 1964. Вып. 8.
6. Жолковский А. К. Лексика целесообразной деятельности//Машинный перевод и прикладная лингвистика. М., 1964. Вып. 8.
7. Щеглов Ю. К. Две группы слов русского языка//Машинный перевод и прикладная лингвистика. М., 1964. Вып. 8.
8. Мельчук И. А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ↔ Текст». М., 1974.
9. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974.
10. Мельчук И. А., Жолковский А. К. Толково-комбинаторный словарь современного русского языка//Wiener Slavistischer Almanach, Sonderband 14, Vienna, 1984.
11. Mel'čuk Igor. Semantic Primitives from the Viewpoint of the Meaning — Text Linguistic Theory//Quaderni de semantica. 1989. V. 10. № 1.
12. Boguślawski A. Semantyczne pojęcie liczebnika. Wrocław, Ossolineum, 1966.
13. Boguślawski A. On Semantic Primitives and Meaningfulness//Greimas, Jakobson, Mayenowa, 1970.
14. Wierzbicka Anna. Dociekania semantyczne. Wrocław, Ossolineum, 1969.
15. Wierzbicka Anna. Semantic Primitives. Frankfurt, Athenäum Verlag, 1972.
16. Wierzbicka Anna. Lingua Mentalis: the Semantics of Natural Language. Sydney, 1980.
17. Wierzbicka Anna. Lexicography and Conceptual Analysis. Ann Arbor: Karoma Publishers, 1985.

18. *Wierzbicka Anna*. English Speech Act Verbs. A Semantic Dictionary. Sydney, 1987.
19. *Wierzbicka Anna*. Semantics, Culture, and Cognition. Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations. New York; Oxford: Oxford University Press, 1992.
20. *Апресян Ю. Д.* Английские синонимы и синонимический словарь// *Апресян Ю. Д., Ботякова В. В. и др.* Англо-русский синонимический словарь. М., 1979.
21. *Апресян Ю. Д., Ботякова В. В. и др.* Англо-русский синонимический словарь. М., 1979.
22. *Апресян Ю. Д.* Типы информации для поверхностно-семантического компонента модели «Смысл ↔ Текст»// *Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 1.* Wien, 1980.
23. *Богуславский И. М.* Исследования по синтаксической семантике: сферы действия логических слов. М., 1985.
24. *Труб В. М.* К проблеме семантического описания желаний// *Wiener Slawistischer Almanach*, 1993. В. 31.
25. *Зализняк Анна А.* Исследования по семантике предикатов внутреннего состояния. München: Verlag Otto Sagner, 1992.
26. *Апресян Ю. Д.* Прагматическая информация для толкового словаря// *Прагматика и проблемы интенциональности (сборник научных трудов)*. М., 1988.
27. *Булыгина Т. В.* К построению типологии предикатов в русском языке// *Семантические типы предикатов*. М., 1982.